

Прошла лишь секунда с тех пор, как отец с сыном тянули канат на пределе возможностей, а в следующее мгновение ситуация резко изменилась: не только пролилась кровь, дело чуть не дошло до самоубийства.

Вся большая семья дружно ахнула, пораженная поступком Чу Няня.

Осколок глиняной посуды выглядел невероятно острым; стоило бы руке хоть чуть-чуть соскользнуть или дрогнуть, и никакая толстая шкура не спала бы от смертельного пореза. Парень ведь действительно не хотел жить.

Чу Дацин наконец вырвал из рук сына палку для очага, но, подняв глаза, уже не смел действовать опрометчиво, даже вооружившись.

Сидевший напротив Чу Нянь прямо сейчас глядел на всех налитыми кровью глазами, руки его были в крови, а выражение лица — столь решительным и непреклонным, что он походил на вырвавшегося из глубин ада ракшаса, от одного вида которого стыла в жилах кровь.

Мужчина невольно опешил: с чего бы какому-то гэру излучать столь грозный боевой дух? Пожалуй, их Fourteen изменился до неузнаваемости.

Ху Ляньсян, вмешавшись и встав на сторону мужа, помогла ему одержать верх, однако, стоило ей обернуться, как вид Чу Няня заставил ее испуганно вздрогнуть.

— Fourteen, ты...

Вечно скованная льдом материнская любовь на мгновение дрогнула, однако это милосердие оказалось лишь мимолетной мыслью и тут же растаяло.

— Я не со зла, ты сам не удержал равновесие. — Вылетевшие вслед за этим слова не содержали ни капли раскаяния. Даже видя, что сын творит смертельно опасную глупость, она думала лишь о том, как бы смыть с себя ответственность, не испытывая ни малейшего беспокойства.

Когда события зашли так далеко, госпожа Чу уже не могла усидеть на месте. Она резко вскочила, хлопая себя по бедрам и завопя:

— Ой-ёй-вой! Ишь какой смелый вырос, еще и угрожать вздумал! Вот же вырастил клан Чу неблагодарную змею!

— Не поверю, что ты и впрямь посмеешь полоснуть себя по горлу! Отъелся до дури, что ли?!

— Хватит! Заткнитесь все!

Тут подал голос старик Чу, наконец-то проявивший себя как глава семьи.

Он бросил суровый взгляд на продолжавшую голосить госпожу Чу, затем знаком велел старшему сыну и невестке отойти назад и лишь после этого сам подошел к Чу Няню.

— Нянь-гэр, судя по всему, никто уже не сможет заставить тебя передумать, верно?

Он долго наблюдал за происходящим и, по правде говоря, почти никогда не встречал у потомков семьи Чу подобного характера — даже по отдельности эти черты ни у кого не проявлялись.

Раз уж Чу Нянь зашел так далеко, это не было бездумной детской истерикой. Он явно затаил лютую обиду на всю семью и был полон решимости довести дело до конца.

Хотя обычно этот парень выглядел тихоней и только и делал, что молча гнул спину за работой, стоило случиться чему-то серьезному, как он проявлял железную волю. Прежде он ведь уже пытался повеситься, ни на что не глядя, так что нынешние угрозы перерезать себе горло выглядели вполне в его духе.

Человек, загнанный в угол, на что только не пойдет!

Старик смотрел на происходящее с тревогой, но видел всё насквозь: этот ребенок не похож на остальных членов семьи Чу, ему было на роду написано никогда не идти с ними одной дорогой.

В конце концов, его всё равно выдавать замуж, так стоит ли цепляться за кровные узы клана Чу, удерживая его всю жизнь и навлекая на себя его вечную ненависть?

Пока это не затрагивает общие интересы, почему бы и не пойти у него на поводу.

— Да, это моя твердая решимость, ее и десятком быков с места не сдвинешь. Прошу дедушку удовлетворить мою просьбу, — голос Чу Няня звучал решительно, не оставляя пространства для компромисса.

— Эх! Пусть будет так.

Старик Чу наконец тяжело вздохнул и, вынужденный смириться со своей участью, произнес:

— Как бы мне ни претило то, что всё зашло так далеко, судя по всему, иного выхода нет.

Услышав, что свекор уступает, Чу Дацин тут же встревожился:

— Отец, с какой стати вы такое говорите?

Если ребенок не слушается, стоит его хорошенько проучить, и он в конце концов смирится. А если не искоренить эти привычки плакать, устраивать скандалы и вешаться, в будущем от него одни беды будут.

Если отец сейчас вот так просто согласится, на нем, как на отце парня, навсегда останется клеймо человека, не умеющего воспитывать детей. А для старшего в семье это несмываемый позор.

И главное — стоит дать слабину хоть раз, что потом делать?

Нынче молодежь пошла такая, что спокойной жизни не жди: сегодня орут о разрыве родственных уз, а завтра глядишь — кто-нибудь надумает разделять имущество и устроит новый бунт.

Если все начнут брать пример с Fourteen и шантажировать семью собственной смертью, разве в клане Чу не воцарится хаос?

Старику Чу было лениво выслушивать его тирады, он резко обернулся и прикрикнул:

— Заткнись!

Заметив, что второй и третий сыновья тоже собираются что-то сказать, он обвел их единым взглядом, заранее пресекая любые возражения:

— Замолчите все до единого, никому не позволено вмешиваться. Не забывайте, в этом доме хозяин по-прежнему я.

Пылавшая праведным гневом госпожа Чу от этого рыка разом осела. Видя непреклонный настрой старика, она с досадой застучала ладонью по столу:

— Тьфу! Да ты совсем выжил из ума старый!

Пропустив мимо ушей недовольство жены, старик Чу, нахмурившись и заложив руки за спину, безмятежно посмотрел на Чу Няня:

— Я, Чу Сунлинь, прожил на свете добрую половину века, а теперь вот приходится делать исключение ради тебя.

В предыдущих словах старика Чу прозвучала готовность пойти на компромисс, и Чу Нянь,

конечно же, это уловил. Однако когда Чу Дацин прервал их разговор, сердце юноши снова ушло в пятки.

Если уж кто и умел всё испортить, так это родные отец и мать самого паренька.

Но теперь, услышав это заявление вновь, он почувствовал, как надежда возрождается.

— Дедушка, выходит, вы согласны?

Исход зависел исключительно от него одного, и Чу Нянь даже немного занервничал, хотя пальцы, сжимавшие глиняный черепок, не ослабили хватку ни на йоту.

— Согласен, — с досадой бросил старик Чу.

Затем его взгляд опустился на осколок, замерший в миллиметре от горла парня, и он со сложным выражением лица покачал головой:

— Сам говоришь, что устраиваешь тут смертоубийства и не даешь семье житья, так что мне лень с тобой спорить. Но знай, Нянь-гэр: я соглашаюсь на разрыв не потому, что мне жалко смотреть, как ты идешь на смерть, а потому, что наш клан Чу решительно не может терпеть под своей крышей столь непутевого потомка.

Услышав это, Чу Нянь мысленно закатил глаза. Почему это звучало так, будто парочка расстается? Когда один из гордости заявляет другому: «Расстаемся так расстаемся, это не ты меня бросаешь, это я от тебя отказываюсь!»

Однако, как бы неприятно ни звучали эти слова, главная цель была достигнута, а это важнее всего. В конце концов, ему самому семейка Чу была тысячу лет не нужна; ему требовался полный и окончательный разрыв, без каких-либо перспектив на будущее.

К тому же он прекрасно всё понимал: ради восьми лянов серебра и чтобы не доводить дело до катастрофы, разрыв отношений был для них лучшим выходом, а для него самого — той самой опорой, которая позволяла идти до конца.

— Деду, называйте это как хотите. Но вы ведь глава семьи, ваше слово — закон: раз уж обронули его, назад уже не заберете.

Ему требовалось услышать от старика окончательное подтверждение.

Услышав это, старик Чу мгновенно помрачнел лицом:

— Если я стану тебя обманывать, куда мне девать свое старческое лицо?

— Тогда я спокоен.

Чу Нянь наконец остался доволен. Он опустил руку и отбросил осколок в сторону.

— Отец! — встревожился Чу Дацин.

Старик Чу зыркнул на него и безапелляционно заявил:

— Решено. Больше ни слова.

— Fourteen, я... да как же я произвела на свет такую неблагодарную бессердечную сволочь! — Ху Ляньсян не желала смиряться, но была бессильна, оставалось лишь тыкать в Чу Няня пальцем и сыпать проклятиями.

— Наверное, всё потому, что растила меня мать, у которой совести отродясь не было!

Чу Нянь бросил холодный взгляд на эту бессердечную женщину и резко отбрил ее. Удели она оригиналу хоть капельку внимания, всё бы не дошло до сегодняшнего дня. Но она была неспособна учиться на собственных ошибках, так что напрашивалась на грубость.

Не желая тратить на нее лишние слова, Чу Нянь неторопливо вытащил из-за пазухи лист бумаги и резким движением развернул его перед стариком Чу:

— Дедушка, давай обойдемся без лишних разговоров. Это бумага о разрыве отношений, я уже расписался.

Сказав это, он сообразил, что чего-то не хватает, и, быстро мазнув пальцем по запекшейся на ладони крови, поставил жирный красный отпечаток прямо под своей подписью. Только после этого он окончательно успокоился.

— Теперь, когда и отпечаток пальца поставлен, распишитесь от лица клана Чу! Как только подпишете, мы больше не семья.

Пустые обещания ничего не стоили по сравнению с чернилами на белой бумаге. Чу Нянь явился сюда с головой на плечах и лучше всех знал, как сделать всё наверняка...